

Л. М. Чичагов

Талергофский Альманах

Выпуск 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. М. Чичагов**
Талергофский Альманах: Выпуск 2 / Л. М. Чичагов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 152 с.

ISBN 978-5-458-53911-1

ISBN 978-5-458-53911-1

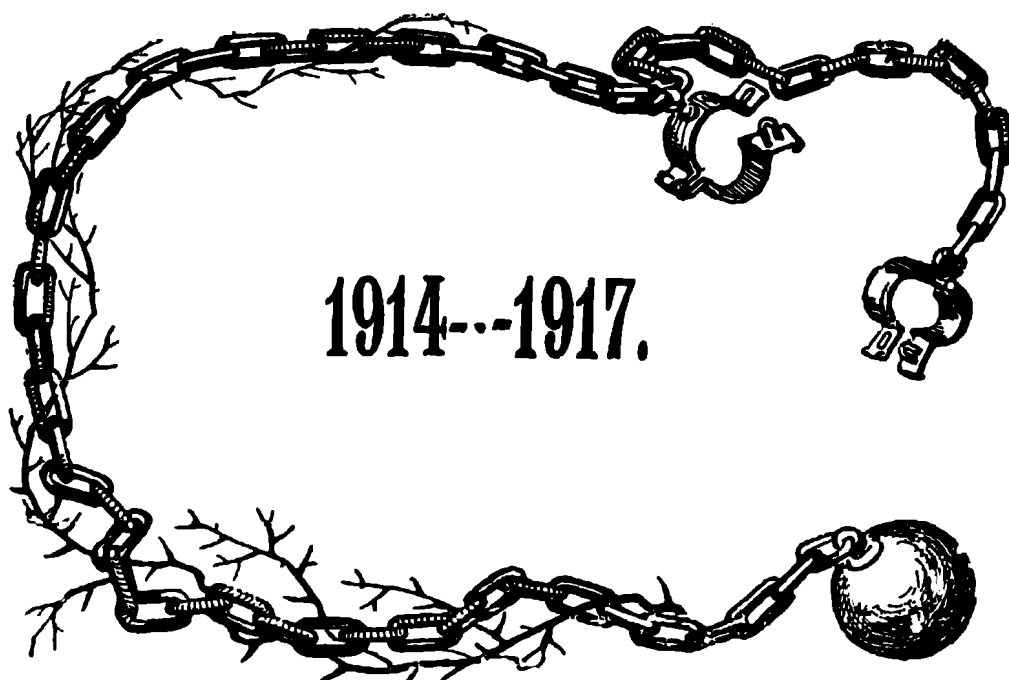
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Описывая счастье народа, добрых, свѣтлыхъ минуты его жизни, изображая героическіе подвиги богатырей военнаго времени или мирнаго государственнаго строительства, или доторкаясь хотябы только его литературы и культуры, — вы всегда найдете массу интереснаго матеріала, который переплетая собственными соображеніями и наблюденіями изъ прошлаго, сумѣете представить глазамъ читателя въ менѣе или болѣе яркомъ свѣтѣ. Отъ такъ изложеннаго вами матеріала повѣсть теплотой, ибо вы въ свой трудъ кромѣ сухой истины вложили часть души своей, нѣкоторую долю поэзіи, присущую каждому человѣку. „Дѣла давно минувшихъ дней“ — которыя зарыты въ запавшихся подъ бременемъ времени родныхъ могилахъ, или которыя покрылись уже пылью въ хранилищахъ музеевъ, гдѣ они лежатъ вѣками, станутъ предъ вами живою картиной. Описывая героевъ и оставшіея послѣ нихъ памятники, или читая о ихъ дѣятельности, вы вторично переживаете то, что давно совершилось, о чемъ лишь сказка повѣствуетъ, какъ о „преданіяхъ старины глубокой“. Все это объясняется, природой человѣческаго ума и сердца — человѣческой души. Вы переноситесь мысленно въ бывальщину, безсознательно принимаете участіе въ возстановленныхъ вами историческихъ событіяхъ, переживаете вмѣстѣ съ воскресшими героями ихъ радость и горе. Изучаемая вами старина подсказываетъ вамъ новыя мысли; — изложенныя вами мысли воспринимаются вашими читателями.

Попробуйте, въ свою очередь, передать словами постигшее народъ несчастье, горе, которое пришлось и вамъ лично перенести или быть его косвеннымъ свидѣтелемъ. Тутъ вы встрѣтитесь съ тяжелой задачей, которая окажется не подъ силу даже недюжинному уму. Какъ бы вы ни старались скрасить нагую правду, убавить впечатлѣній, — на дѣлѣ получатся одни лишь факты, отъ которыхъ всегда пахнетъ свѣжей кровью невинно замученныхъ жертвъ, заноситъ дымомъ сожженныхъ жилищъ, построенныхъ упорнымъ трудомъ многихъ поколѣній и исчезнувшихъ съ лица земли по беззаконію, неисправимой ошибкѣ судей, по злобной ненависти инакомыслящихъ, у которыхъ звѣриныя инстинкты выходятъ наружу съ особой яркостью во время войны. Мечъ и пуля заступаютъ тогда законъ. Культурныя приобрѣтенія духа, отличающія человѣка отъ звѣря, какъ по мановенію волшебной палочки, исчезаютъ или подавляются. На ихъ мѣсто выступаетъ звѣриный, кровожадный инстинктъ. Этотъ инстинктъ заразителенъ. Онъ передается толпѣ, а та уже вымещаетъ свою злобу за дѣйствительную или воображаемую обиду на противникахъ. Стоитъ указать пальцемъ на человѣка какъ на виновника, и толпа его растерзаетъ.

Въ напечатанномъ нами изданіи изображены именно такіе безхитростные, но вмѣстѣ съ тѣмъ кошмарные факты, имѣвшіе мѣсто въ жизни галицко-русскаго народа съ 1914 года до развала Австріи. Предвѣстникомъ воспоминаемыхъ ужасовъ былъ рядъ политическихъ процессовъ въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси, вачиная съ 80-ыхъ годовъ XIX столѣтія. Обвиняемые русскіе люди оправдывались коронными судами за неимѣніемъ доказательствъ, ибо исповѣдываніе культурнаго и національнаго единства галицко-русской вѣтви съ остальнымъ русскимъ міромъ не подлежало наказанію по австрійскимъ законамъ. Какъ видимъ, почва къ обговариваемымъ событіямъ подготовлялась австрійскимъ правительствомъ зараніе.

Въ Прикарпатскомъ Краѣ живутъ три племена: русское, польское и еврейское.

Каждое изъ нихъ пропитано разною культурой, характеромъ и особенностями. Евреи устраиваютъ свое благополучіе на экономическомъ порабощеніи ими поляковъ и русскихъ. Поляки, собственно ихъ духовенство и шляхта проникнуты культурными налетами западной Европы стараются устроить благополучіе своего народа на счетъ закрѣпощеннаго ими еще въ средневѣковья части русскаго народа.

Галицко-русскій народъ несмотря на продолжительное подневольное пребываніе его подъ польскимъ и австрійскимъ владычествомъ благодаря своей стойкости, не потерялъ русско-восточнаго

облика и всегда относился съ предубѣжденіемъ къ западнымъ завоевателямъ. Онъ смотрѣлъ на западъ, какъ на культурнаго хищника, стремящагося его съѣсть культурнымъ образомъ. Не по душѣ было галицко-русскому народу отдать западу свои русскія культурныя пріобрѣтенія и растворится въ его стихіи. Онъ мечталъ о культурномъ воссоединеніи съ ближайшимъ, роднымъ востокомъ и дѣлалъ надежду, что раньше или позже настанетъ пора, когда онъ освободится изъ подъ чуждаго ему владычества.

Сохраненіе русской души въ русскомъ населеніи Прикарпатской Руси объясняется еще и тѣмъ, что русское боярство очень скоро ополячилось, пропиталось западной культурой и совершенно денационализировалось, а тѣмъ самымъ и подрѣзало въ корнѣ довѣріе къ себѣ галицкаго простонародья и избавило его отъ нежелательнаго вліянія запада, стремившагося проникнуть въ русскую среду посредствомъ отпавшаго отъ народа высшаго сословія. Доказательствомъ сего служатъ разныя уніи, сулившія галицко-русскому народу блага на землѣ и небесѣ, а между тѣмъ послужившія только для вящаго его закрѣпощенія иноплеменному элементу.

И русское населеніе Прикарпатья чувствовало эту чужую экспанзію. Оно сослужило русскому міру службу внѣшней предохраняющей оболочки, черезъ которую Западу необходимо было проникнуть въ русскую сердцевину. Уразумѣла это Австрія, которая, считая Прикарпатье Ахиллесовой пятой русскаго народа, пошла на него приступомъ.

Послѣднія описываемыя нами событія изъ жизни галицко-русскаго народа являются завершеніемъ движенія западно-европейской культуры на русскій Востокъ.

Въ дни великой войны грянулъ на нашу голову громъ и посыпались удары за ударомъ. Ополчились тогда противъ насъ представители австрійской власти съ своими аничарами галицкими украинофилами. Всѣ вражія силы въ союзѣ съ украинофильствующей австрійской мірской и духовной іерархіей использовали войну для уничтоженія галицко-русскаго населенія, исповѣдующаго свое единство съ остальнымъ русскимъ народомъ.

Въ чемъ обвиняли насъ? Въ измѣнѣ и предательствѣ. По ихъ мнѣнію исконное русское населеніе Галичины, не можетъ не чувствовать симпатіи къ своимъ закордоннымъ братьямъ.

Основываясь на этомъ мнѣніи, а не на содѣянныхъ преступленіяхъ противъ существующихъ законовъ, требующихъ положительныхъ фактовъ, — они искали лишь примѣтъ русскости, и безъ разбора возраста, пола и сословія вели на смерть тысячи галицко- и угро-русскаго народа. Разнузданность достигла крайнихъ предѣловъ. Австрійскія власти не имѣя прямыхъ дока-

зательствъ на которыхъ можна бы было опереться и судить зако-
нымъ порядкомъ русскій народъ Прикарпатя и Закарпатя, по-
шла по примѣру средневѣковой инквизиціи. Руководствуясь од-
нимъ только подозрѣніемъ, Австрія наказывала жестоко за одни
русскія убѣжденія, воспринятые русскими галичанами, буковин-
цами и угророссами отъ предковъ и передаваемые отъ рода въ родъ
— за духовное единство Руси, котораго не отрицаетъ ни наука,
на австрійскіе императоры присоединившіе Галичину къ своей им-
періи, за идею, которую разрѣшала исповѣдывать австрійская кон-
ституція, давшая всѣмъ націямъ на территоріи Австріи свободу
культурнаго развитія и національнаго исповѣдыванія.

Въ Австріи — при наличіи правового порядка, установлен-
наго народнымъ представительствомъ — царствовало во время
войны беззаконіе. Отвѣтственность за содѣянные въ Галичинѣ
звѣрства несетъ правительственный центръ, и поощрявшіе его къ
тому галицкіе предатели украинофилы, задумавшіе по трупамъ
своихъ кровныхъ братьевъ добиться при помощи нѣмцевъ господ-
ства надъ малорусскимъ населеніемъ.

Повторяемъ, что Австрія подготавливала почву къ уничтоже-
нію галицко-русскаго народа давно. Во имя принципа Divide et
impera, стала пропагировать въ русскомъ народѣ идею національ-
наго отщепенства. Идея измѣнника Мазепы дала неожиданные
для самыхъ нѣмцевъ плоды. Нашлись среди галицко-русскаго на-
селенія люди, которые за іудины сребренники, получаемые отъ
австрійскихъ властей въ видѣ жалованія, отреклись русской народ-
ности и положили основаніе подъ „украинскій“ народъ, развращая
русскій народъ Галичины извращеніемъ исторіи. Съ помощью
правительственныхъ пособій воспитались кадры галичской моло-
дежи въ слѣпой ненависти ко всему русскому. Такимъ образомъ
за нѣсколько лѣтъ до войны габсбургскій тронъ располагалъ вну-
шительнымъ количествомъ мазепинской интеллигенціи, являю-
щейся съ одной стороны рабской опорой династіи и сохранившей
эти традиціи до сихъ поръ (Василь Вишиваный-Габсбургъ), съ
другой стороны продолжавшей насаждать въ народѣ мысли зародившіяся въ умѣ Мазепы и его послѣдователей. Внутренняя борьба
съ мазепинцами была для насъ страшнѣе всего. Они съ помощью
австрійскихъ властей вытѣсняли насъ систематически изъ одной
культурной позиціи на другую. Рядъ русскихъ обществъ и инсти-
туцій захватываютъ мазепинцы въ свои руки. Взабогатившись на-
шимъ трудомъ и имуществомъ, тѣмъ энергичнѣе ведутъ они свою
пропаганду до настоящаго времени.

Въ мѣсяцъ послѣ объявленія мобилизаціи и воинственнаго
воззванія дряхлаго императора Франца Іосифа „Къ моимъ наро-
дамъ“, розосланнаго по всей Галичинѣ при сопроводительномъ

пастырскомъ архіерейскомъ посланіи — львовскій греко-католическій митрополитъ Шептицкій разослалъ, независимо отъ перваго, второе пастырское посланіе, въ которомъ вызываетъ галицко-русскій народъ схватить за оружіе. „Война ведется ради насъ, ибо лютой врагъ царь московскій не смогъ стерпѣть того, что мы въ австрійской державѣ имѣемъ свободу. Измѣною хочетъ нашихъ людей побудить къ измѣнѣ“ — гласитъ посланіе.

Въ то время, когда греко-кат. митрополитъ такъ писалъ, мадыро-австрійцы вели этапнымъ порядкомъ тысячи крестьянъ и сотни священниковъ на смерть; и ни одного слова защиты для своей паствы.

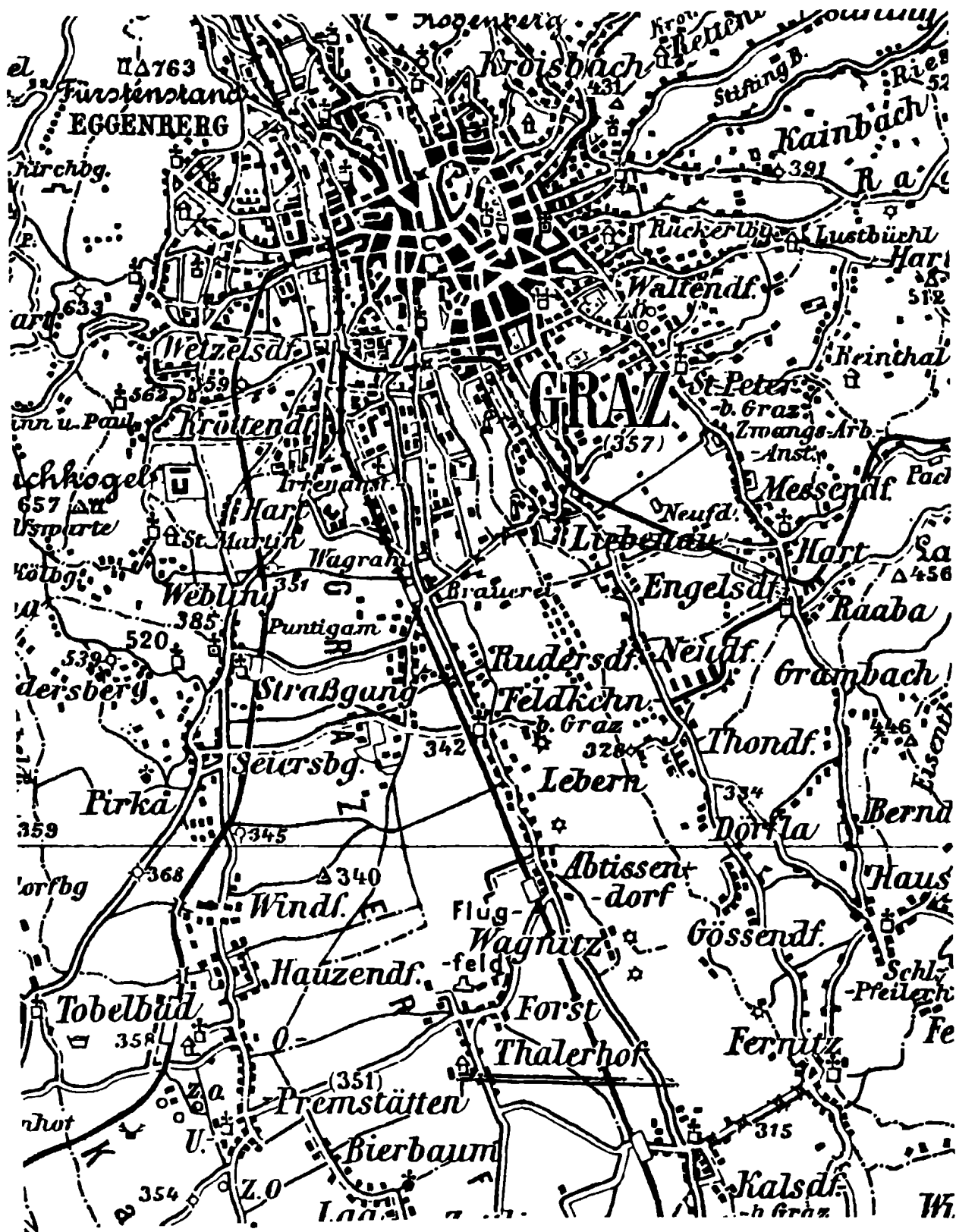
Годъ 1917. принесъ облегченіе. „Талергофы“ кончились. Одни остались въ Талергофѣ „подъ соснами“, другіе потянули въ родную Галичину.

Въ 1918 г. развалилась Австрія; родилась Украина; но и она сошла скоро со сцены.

Галицко-русскій народъ медленно приходитъ къ себѣ. Начинаетъ возстановливать разрушенныя хижины, беретъ за мирный, созидательный, культурный трудъ.

А какъ быть съ недавнимъ прошлымъ? Должно ли оно быть забытымъ? Нѣтъ, это было бы преступленіемъ, большимъ того, какое совершили враги. Пусть-же кровь галицко-русскаго народа, его страданія, слезы женъ и дѣтей, вдовъ и сиротъ, пепелища его усадьбъ и селеній будутъ, хотя бы въ маленькой части занесены на страницы исторіи русскаго народа.

АВСТРИЯ

г. Грац и окрестности, где находится Талергоф (подчеркнуто).

Первый периодъ австрійскаго террора въ Галичинѣ. (Дополненія къ I выпуску).

Бобрецкій уѣздъ.

Спасаясь отъ преслѣдованій я бѣжалъ изъ Зборовщины въ родной Бобрецкій уѣздъ. Тутъ я все таки былъ арестованъ 26 августа 1914, а на слѣдующій день втокнули въ камеру моего заключенія г. Зубрицкаго, предсѣдателя уѣзднаго суда въ Бобркѣ. Господинъ Зубрицкій весь дрожалъ отъ волненія, а на мой вопросъ, что послужило причиной его арестованія, отвѣтилъ едва слышно :

— Собственно говоря, я и самъ не знаю. Немного спустя г. Зубрицкій пріѣхалъ къ себѣ рассказавъ, что какіе то незнакомые ему солдаты хотѣли у него расквартироваться. Когда же онъ запротестовалъ не пустилъ ихъ къ себѣ на квартиру, явился къ нему жандармъ, бывшій до того въ его распоряженіи въ качествѣ исполнительнаго органа мѣстнаго суда, и безъ предьявленія какихъ

либо распоряженій высшихъ властей, вопреки существующему правопорядку, объявилъ ему объ его арестѣ.

— Вотъ почему, продолжалъ предсѣдатель суда, я никакъ не могу понять, что такое сейчасъ происходитъ, и къ чему приведетъ этотъ военно-административный произволъ. А вѣдь разбираясь внимательно въ происхожденіемъ приходишь къ заключенію, что есть кто то, кто всѣмъ этимъ руководитъ — закончилъ судья Зубрицкій.

Утромъ въ день Успенія Пр. Богородицы приказано намъ готовиться къ путешествію. Въ камеру явился жандармъ, тотъ самый, который арестовалъ судью Зубрицкаго и далъ ему теперь пощечину велѣлъ выходить на улицу. Судья пытался протестовать противъ незаконныхъ дѣйствій бывшего своего подчиненнаго, а въ отвѣтъ на свой протестъ получилъ

вторую пощечину уже от конвойнаго солдата.

На вокзалѣ въ Бобркѣ мы погрузились въ вагоны и пріѣхавъ во Львовъ были распредѣлены по разнымъ тюрьмамъ и я потерялъ г. Зубрицкаго изъ виду. Позже уже въ Талергофѣ я часто видѣлъ судью Зубрицкаго въ компаніи крестьянъ за чисткой картофеля для об-

щаго арестанскаго котла. Судья Зубрицкій не долго оставался въ Талергофѣ. Онъ былъ освобожденъ послѣ допроса и разбора его дѣла, а вернувшись домой въ Галичину скоро умеръ отъ пережитыхъ волненій не дождавшись развала злопамятной Австріи.

свящ. Александръ Юл. Илевичъ.

Борщевскій уѣздъ.

Въ I части Альманаха, въ дописи изъ Волковецъ, нашлись неточности или свѣдѣнія, не вполне согласныя съ тамъ описанными дѣйствительными событіями. О бл. п. свящ. Іоаннѣ Смольномъ написано будто бы онъ „сдумѣлъ оправдаться и былъ отпущенъ на свободу“, между тѣмъ дѣло представляется слѣдующимъ образомъ:

Обыски и арестованія въ с. Пановцахъ произошли раньше другихъ селъ, ибо уже 5 и 6 августа 1914 г. свящ. І. Смольный и писарь Василій Максимовъ были доставлены въ Борщевъ, а псаломщикъ Григорій Гладышъ попалъ прямо въ Чортковскую тюрьму. Кромѣ арестованныхъ больной о. Іоаннъ былъ сопровождаемъ двумя его дочерьми Еленой и Ярославой, рѣшившими не оставлять больного отца безъ опеки.

Борщевскій уѣздный староста объявилъ арестованнымъ, что имъ получено свыше распоряженіе арестовать всѣхъ организаторовъ и общественныхъ дѣятелей русскаго движенія въ Галичинѣ. Староста былъ недоволенъ прибытіемъ дочерей о. Іоанна. Не имѣя приказа арестовать дѣвушекъ, онъ распорядился помѣстить ихъ пока съ больнымъ отцемъ на частной квартирѣ подъ жандармскимъ наблюденіемъ. Такъ какъ продвиженіе

россійскихъ войскъ послѣдовало неожиданно, растерявшіяся австрійскія власти не успѣли эвакуировать арестованныхъ изъ частной квартиры. Такъ же оставили отступавшіе австрійцы арестованныхъ въ Чортковской тюрьмѣ и Львовскихъ Бригидкахъ. Что о. Смольный не „оправдался“ передъ австрійскими властями, видно хотя бы изъ того, что онъ возвратился въ Паневцы только въ началѣ октября т. е. двѣ недѣли послѣ прибытія русскихъ войскъ въ Борщевъ, а то въ Паневцахъ и надъ Днѣстромъ еще двѣ недѣли послѣ отступленія австрійскихъ войскъ шныряли австрійскіе жандармы, арестовывали кого попало и вводили черезъ рѣку въ Венгрію. Такъ сдѣлали съ освобожденнымъ русскими войсками изъ Чортковской тюрьмы Григоріемъ Гладышемъ. Возвратившагося ночью домой съ радостнымъ извѣстіемъ „что русскіе меня освободили“, утромъ австрійцы опять арестовали и выслали въ Венгрію въ Арадъ. Кромѣ упомянутыхъ были еще арестованы крест. Гудзь изъ Пановецъ и помѣщикъ Ив. Ал. Жаровскій изъ Дзвонячки. Послѣднему не могло уѣздное начальство забыть его прогулки въ Каменецъ-Подольскъ, состоявшейся въ обществѣ друзей и знакомыхъ въ 1913 г.

Послѣ возвращенія австрійцевъ въ 1917 г. возобновились по доносу мѣстныхъ мазепинцевъ обыски и придиранія къ русскимъ людямъ и покойный нынѣ отецъ

Іоаннъ былъ выселенъ съ семьей въ Городенскій уѣздъ.

Марья Смольная-Рудко.

Бродскій уѣздъ.

г. Броды. Въ концѣ іюля 1914 г. пріѣхалъ изъ Львова въ г. Броды, близъ бывшей австро-русской границы комиссаръ полиціи Хорватъ, извѣстный нашему обществу изъ политическаго процесса о.о. Сандовича и Гудимы и, распредѣливъ роли бродской полиціи, нагрянулъ съ обыскомъ въ Читальню, Русскую Кассу а также къ г. г. Ст. Ив. Носевичу, Лукъ Н. Темеху, Николаю Д. Кушпета, Ивану Гр. Сѣрко, и къ пишущему эти строки, т. е. Андрею Гр. Полищуку. Прійдя изъ города домой, я уже засталъ у себя непрошенныхъ гостей, а послѣ произведенія ревизіи приказано мнѣ явится въ полицію. Тутъ уже находились г.г. Носевичъ и Темехъ. Послѣ допроса и списанія протокола, Носевича и Темеха отправили во Львовъ, а я вернулся на этотъ разъ домой съ ключами Р. Кассы, переданными мнѣ г-номъ Носевичемъ. Проходя мимо Прагскаго Банка встрѣтился я съ четырьмя мѣстными украинофилами: чиновникомъ Сек. Левицкимъ и священниками А. Софиновскимъ, Сев. Глѣбовицкимъ и Фенчинскимъ. Высказанное вслухъ этими господами удивленіе, что я до сихъ поръ еще не за рѣшеткой убѣдило меня окончательно, что раньше или позднѣе меня постигнетъ участь г. Темеха и г. Носевича. Спокойнѣйшимъ образомъ прошелъ я мимо достойной компаніи дѣлая видъ, что даже ихъ не замѣчаю, а уже 2 августа я былъ арестованъ и вмѣстѣ съ Иваномъ Григ. Сѣрко въ цѣпяхъ отправленъ во Львовъ. Насъ помѣстили

въ полицейскихъ арестахъ при ул. Яховича въ небольшой камерѣ, въ которой въ теченіе двухъ дней собралось 17 человекъ. Изъ знакомыхъ помню г.г. Ив. Пашкевича, Ю. Кисилевскаго и Дрыгинича.

Такъ продержали насъ 26 дней въ невозможнѣйшихъ и неподлежащихъ описанію санитарныхъ условійхъ, а 27 августа въ 3 часа утра мы были присоединены къ общему транспорту въ составѣ около 1000 человекъ и отправлены въ глубь Австріи. По пуги на вокзалѣ вѣкій львовскій гражданинъ въ порывѣ патріотическаго чувства съ браню замахнулся на священника Скоробогатаго, нашего товарища подоли, съ цѣлью нанести ему ударъ. Тогда одинъ изъ конвойныхъ поймалъ зазнавшагося пахала за шиворотъ присоединилъ его къ нашему транспорту и опъ несмотря на слезы и оправданія былъ отправленъ вмѣстѣ съ нами.

Моя жена осталась послѣ моего ареста дома, но не долго. Послѣ поступления передовыхъ русскихъ отрядовъ въ Броды и скорого ихъ отступленія была арестована также и моя жена, а затѣмъ и ея мать, понесшая своей дочери въ тюрьму пицу. Когда же русскія войска вторично приближались къ Бродамъ, погнали ихъ пѣшкомъ съ сосѣдомъ Козьмою Крижановскимъ въ Золочевъ, а отсюда по желѣзной дорогѣ во Львовъ. У сосѣда К. Крыжановскаго была найдена при ревизіи послѣ отступленія русскихъ передовыхъ частей солдатская су-

мочка съ російской махоркой. Жена сидѣла во Львовѣ въ обществѣ 350 человекъ въ арестахъ по ул. Баторія. Австрійцы не успѣли ихъ во время эвакуировать и послѣ занятія Львова русскими войсками жена вернулась благополучно домой, а въ 1915 г. при наступленіи австрійцевъ спаслась въ Россію.

Въ общемъ въ Бродахъ и двухъ бродскихъ предмѣстьяхъ Малыхъ и Великихъ Фольваркахъ были арестованы въ 1914 г. слѣдующія лица :

1. Андрей Гр. Полищукъ,
2. Марія Р. Полищукъ,
3. Ирена Ал. Кучерина,
4. Николай Желехъ,
5. Козьма Крижановскій,
6. Лука Д. Сѣрко,
7. Григорій Сѣрко,
8. Иван Гр. Сѣрко,
9. Марія Бойчукъ,
10. Елена Бойчукъ,
11. Василій Шустъ,
12. Игнатій Дзюба,
13. Иванъ Караимъ,
14. Лука Караимъ,
15. Марія Караимъ,
16. Анна Караимъ,
17. Петръ Дзюба,
18. Данило Горницкій,
19. Н. Горницкая,
20. Лука Темехъ,
21. Лука Бойчукъ,
22. Василій Ивасюкъ,
23. Семенъ Бойко,
24. Павелъ Олѣйникъ,
25. Марія Олѣйникъ,
26. Семенъ Олѣйникъ,
27. Димитрій Зен. Плисъ,

28. Иванъ Як. Лысайко
29. Семенъ Гладунъ,
30. Павелъ Гладунъ,
31. Ольга Гладунъ,
32. Екатерина Гладунъ,
33. Ярославъ Гладунъ,
34. Андрей Гладунъ,
35. Марія Ив. Шлюзъ,
36. Марія Вас. Бойко,
37. Марія Ник. Бойко,
38. Марія Темехъ,
39. Иванъ Чорній,
40. Лука Ник. Темехъ,
41. Степанъ Ив. Носевичъ,
42. Иванъ Мих. Дребичъ,
43. Софья Оом. Лынъ,
44. Василій Р. Ваврыкъ
45. Марѳа Фил. Дребичъ.
46. Юліанъ Кустыновичъ,
47. Н. Шпакъ,
48. свящ. Мартинъ Як. Балюта,
49. Андрей Васильцевъ, Высоцко,
50. Данило Ив. Сидорикъ,
51. Семенъ Ал. Боечко,
52. Н. Свистуновичъ, Поповцы,
53. свящ. Юстинъ Сухаровскій, Заболотцы,
54. Н. Бендаревскій, с. Берлинъ,
55. Юсафатъ Якимовичъ, с. Берлинъ,
56. свящ. Игнатій Ф. Гудима, Дытковцы,
57. Филипъ Гудима, Дытковцы,
58. Иванъ Придиба, Буратинъ,
59. Иванъ Чорнобай, Буратинъ,
60. Чижъ, Черница.

Кромѣ поименованныхъ было арестовано еще нѣсколько человекъ, къ сожалѣнію ихъ фамиліи установить мнѣ не удалось.

Андрей Гр. Полищукъ.

Горлицкій уѣздъ.

с. Мацина вел. Австрійскія войска орда въ завоеванной странѣ. Не давали вели себя на Лемювщинѣ, какъ дикая пощады даже церквамъ. Такъ н. пр. въ